

Денис ЕВСТИГНЕЕВ

сказал: Но не Галине

а Нонне

Автор «Лимиты» и «Русского проекта» снял картину, в которой главную роль исполнила прославленная актриса, 17 лет не игравшая в кино

- Вы меня обрадовали, Денис. Чем, интересно? Вы же еще порог дома переступить не успели.

- Ваш любимый диван на месте. Я не был у вас года три и очень переживал за судьбу дивана. Он здесь. Значит, есть на свете острова стабильности.

- А почему у меня что-то должно было поменяться? Диван остался, но в последнее время я не лежал на нем, хотя не против, совсем не против этого занятия. Да, я люблю спокойный отдых, но, повторяю, мне было не до того. Сначала мы с Арифом Алиевым в весьма напряженной обстановке писали сценарий фильма «Мама», работали очень плотно, а потом начались съемки. Какой диван? Я даже в Москве редко бывал. Мы же по всей стране ездили - Диксон, Ташкент, Ростов, Выборг, Торжок, Иркутск, еще куда-то, не вспомню.

- Вписались до всех этих наших августовских праздников?

- Вы об обвале рубля? Мы из обещанных денег получили только четверть. До сих пор не знаю, как закончили это кино. Подошли к финишу на энтузиазме, и я сейчас в таких долгах, что вспомнить страшно. На эти долги дефолты не объявятся.

- И что делать станете?

- Надеяться, ждать. Госкино должно заплатить, обещало.

- А с Никитой Михалковым у вас как?

- Я его уважаю и люблю, хотя и давно не видел... Надеюсь, и он ко мне неплохо относится.

- Помню, ваш «Русский проект», снятый для ОРТ, Михалков обозвал «Денискиными рассказами».

- Ну, не знаю... На съемках я ничего такого не заметил. Нет, Никита Сергеевич вел себя уважительно. И вообще воспринял эти «Русские проекты» очень правильно. На озвучании даже случилась трогательная сцена... Михалков и Машков, сыгравшие космонавтов, должны были перечислять разные города, как бы играя в названия. Я не помню, что значилось в сценарии. Допустим, Москва, Астрахань, Новгород, Душанбе... Мы вписывали любые географические названия, без всякого умысла. И вдруг Михалков спрашивает: «Слушай, Денис, можно я Самару назову?» Я даже не врубился сначала: «А почему?» Никита Сергеевич говорит: «Ну, это родной для меня город». Тут Машков включился: «А я тогда про Новокузнецк скажу». И такая песня пошла... Они все названия поменяли, им захотелось вспомнить города, связанные с детством, с чем-то личным. Поэтому мне и показалось, что Никита Сергеевич хорошо отнесся к «Проекту». А почему вы его, Михалкова, упомянули?

- Он же теперь в нашем кино большой человек. Если ему понравится, он, наверное, и подсобить может.

- Мне важно мнение о картине Михалкова-профессионала, а не начальника.

- А вы член Союза кинематографистов?

- Конечно. Когда-то это играло большую роль. Знаете, как я вступал в Союз? Однажды позвонил Павел Тимофеевич Лебешев и сказал: «Быстро носи документы, анкету заполняй, и завтра мы тебя примем на собрании». Возможно, сам я никогда и не подал бы документы - из-за лени природной. А так мне дали корочку. Я быстро оценил значение этого документа: он снимал все сложности с проходом в ресторан Дома кино. В зрительный зал я и раньше попадал. У меня там был блат. Меня же с детства все вахтеры знали. Но в ресторан все равно пускали с трудом.

- Даже магия фамилии не срабатывала?

- Случались осечки. Но, кстати, в Дом кино мы с малых лет пролезали по всяким канализационным люкам, через погрузочную или кухню ресторана.

- Ага, расскажите подробнее, новая шантрапа лазать начнет.

- Кому сейчас это нужно? Раньше мы могли карабкаться по транспортеру, красться по каким-то коридорам, нас ловили, выгоняли...

- «Нас» - это кого?

- Была компания. К примеру, Антон Табаков, другие ребята.

- Нет, сейчас иное отношение к кино. Мы ходили на все новые американские фильмы, а сейчас попробуй заставь - не пойду. Домой билеты принесут - все равно не выйду! Кроме всего прочего, когда сам по двенадцать часов в сутки только и делаешь, что снимаешь кино, дома уже ни за какие коврижки не захочешь смотреть ни кассету, ни телевизор. Наверное, пройдет какое-то время после «Мамы», и меня опять потянет на «высокое».

- Одно кино снято, другое затеяно. Поговорим о новом сценарии?

- Пока есть только тема...

- Не «Папа»?

- Нет, но главная роль на этот раз мужская. Мы с Арифом разрабатываем тему желтой прессы, жизни бульварной журналистики, где главное - не добывание информации, а делание ее. Репортер не следует за событиями, а создает их, не останавливаясь перед провокациями, скандалами. Конечно, я за то, чтобы мы жили по кодексу рыцарей, скажем, шестнадцатого века, но понимаю: это невозможно, и моя задача не изменить жизнь, а показать ее. Поэтому я обратился к этой теме. В ней сходятся, как бы фокусируются все сегодняшние несоответствия.

- В основу заложена реальная коллизия?

- Есть любопытная идея, но я не могу ее рассказать, хотя хочу.

- Вам знакома журналистская тусовка?

- Нет, поэтому, возможно, она мне и интересна. Когда работает фанта-

зия, писать легче, чем по готовому. Хотя Ариф в «Экспресс-газете» проработал несколько лет, и для него это как бы не совсем чужое.

- Но вы хотя бы читаете эти газеты?

- Сейчас да, это для меня источник информации.

- Но все так брезгливо кривятся: фи, бульварщина...

- Так можно и ко времени относиться, к жизни сегодняшней. Какая гадость! По сравнению, допустим, с девятнадцатым веком. Наверное, справедливо, но мы в ней, в этой мерзости, живем, это наше время. Важно не раствориться, сохранить себя. Конечно, можно уйти в высокие материи, в другое время, в другие чувства, но я хочу показывать то, что отражает сегодня.

- Да, есть же Ларри Флинт в Америке. Феномен... Кстати, вы фильм о нем видели?

- Нет.

- А вроде занимаетесь этим делом.

- Каким?

- Желтой прессой.

- Когда работаешь, самое вредное - смотреть чужие фильмы. Для чего мне это? Чтобы повторить?

- Наоборот, чтобы не повторить.

- Это не зависит от просмотра. Лучше вовсе не видеть. Посмотришь, и это засядет у тебя в подкорке, особенно если что-то хорошее увидишь.

- Вы когда-нибудь оказывались персонажем светских хроник?

- Интервью этим изданиям я не даю. Их интересуют вещи, которые меня не трогают, поэтому у нас не получается диалог. Какие ночные клубы любите, кто больше мне нравится - брюнетки или блондинки, что я пью, где сплю... На такие вопросы отвечаю односложно, и они, вопросы, быстро иссякают. Не готов я обнажаться, да и все.

Какие ночные клубы люблю, кто больше мне нравится -- брюнетки или блондинки, что я пью, где сплю... На такие вопросы отвечаю односложно.

Впрочем, недавно я все же попал на страницы одного из подобных изданий. В каком-то ресторане, по-моему, в «Сохо», мы играли в бильярд. Кто был? Значит, я, еще помню Сашу Олейникова... Может, Ширвиндт... Забыл.

- Младший?

- Да, Михаил. Играем в бильярд. Достаточно трезвые. Словом, ничего особенного. Подходит какой-то человек и говорит: «Здрасьте, че делаете?» Мы отвечаем: «Не видишь? Играем!» Он продолжает: «Во что играете?» И дальше в том же духе, вопросы какие-то дурацкие. Мы спрашиваем: ты кто? Называет газету, их много, я не помню. Мужик продолжает приставать: «На что играем?» Мы брякнули: «На миллион долларов!» Типа: отстань. А через пару дней мне показывают заметку: «Читай!». Написано: «Недавно в клубе «Сохо» была сыграна партия на миллион долларов». То есть в повествовательном стиле рассказано: участники игры такие-то. Все. Точка. История выдана на полном серьезе.

- Ну и чего?

- Да ничего! Мне все равно. То есть все равно, пока это так невинно, люди

ведь понимают, что я не мог играть в бильярд на миллион долларов. Но бьются и вещи посерьезнее.

- Были?

- Со мной нет. К счастью.

- Наверное, потому, что вы не особенно светитесь.

- Я совсем не свечусь. Мне постоянно звонят из всех этих многочисленных клубов, приглашают на какие-то... какие-то... Даже передать не могу, куда. Звонящие говорят словосочетания, которые я прошу повторить, поскольку с первого раза не понимаю ни слова. Впрочем, со второго тоже. Сначала идет название клуба - по-английски. Потом какое-то английское слово вроде «презентация», только круче, затем название самого шоу по-английски. Словом, фраза, из которой ничего уяснить нельзя. Мне начинают объяснять по-русски: будет нечто типа показа моды. Я очень интеллигентно говорю: «Извините, занят».

- У вас с английским плохо?

- Все у меня хорошо, но я раздражаюсь, когда начинают говорить по-английски в русской транскрипции. Не понимаю этого. Мне как-то позвонили из некоей видеоорганизации и говорят: мы хотели с вами поработать, не могли бы дать нам свою «шоуриллу»? Что, спрашиваю, дать? «Шоуриллу!» Минут через пятнадцать после того, как повесил трубку, документал, что речь о «шоурилле», о видеоролике. Кошмар: «шоуриллу» давай! Это же брайттоновский язык, который сюда завезли люди...

- Потусовавшиеся там?

- Наверное. Все эти начинающие менеджеры, девочки из бесчисленных контор. Они пытаются показать профессионализм с помощью сленга, перекорюженного английского. Дела не знают, а слов понахватались. Вроде как международный язык.

А я страдаю, что плохо знаю английский. Нормальный, из Лондона, а не из Тамбова. Кто-то же придумал этот русско-английский, вульгарный, киношный, даже не киношный, а скорее телевизионный или, может, видеоязык. В кино такого пока нет, там все по-русски называется, ну, кроме слов, которые нельзя перевести.

- Кастинги всякие?

- Это нормально, можно написать в титрах: «подбор актеров». А вот аналог «продюсеру» в русском не найдешь, не переводится слово. Директор картины - другое. Или, например, должность «грип».

- В конце «б» или «п»?

- «П». Одна буква, чтобы с болезнью не спутали. Так вот: грипом называют человека, который прибывает гвозди, вешает всякие тряпки, устанавливает камеру... Словом, очень нужный для кино человек, умелец на все руки. Его на Западе зовут грипом. И мы стали так в титрах писать. Люди потом читают, смеются: что за вирус?

- Но мы отвлеклись от темы тусовок. Значит, вы никуда нос не кажете, сидите дома...

- В киношных мероприятиях я участвую регулярно. «Ники», фестивали... Это мир, который я выбрал, с чего бы мне его сторониться? Если приглашают, а пока, слава Богу, приглашают, иду...

- Но вы можете сутками не выходить из квартиры? Если жизнь не вынуждает?

Евстигнев Денис

19.3.99